

УДК 81.161.1+81:39

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПОМОРОВ (на материале словаря И. М. Дурова)

**ДЬЯЧКОВА
ИРИНА
НИКОЛАЕВНА**

*кандидат филологических наук,
доцент Кафедры русского языка как иностранного и
прикладной лингвистики,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
gyla4@yandex.ru*

**ТАРАЗАНОВА
ЛИДИЯ
ИГОРЕВНА**

*студентка Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
lidiatsrazanova@gmail.com*

Ключевые слова:

региональная фразеология
поморы
языковая картина мира
И. М. Дуров

Аннотация:

В статье рассматривается потенциал «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова в качестве источника изучения традиционной культуры поморов на материале фразеологии. Преимущественное внимание в работе уделяется устойчивым выражениям, в составе которых функционируют специфические реалии и образы, обусловленные особенностями жизнедеятельности и самобытной культуры населения Поморья.

© 2025 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 августа 2025 года

Опубликована: 27 сентября 2025 года

Введение

«Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова [4] продолжает ряд севернорусских диалектных словарей, созданных на рубеже XIX–XX веков, таких как «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского, «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого, «Словарь областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского.

Несмотря на то, что у И. М. Дурова были предшественники, как справедливо отмечают редакторы издания его словаря, «у поморского словаря свое лицо», поскольку «его автор – коренной житель Поморья, знаток его говоров и культуры. В словарных статьях с тщательностью и знанием дела прописаны особенности рыболовного промысла, традиционного быта, семейной и праздничной обрядности, а также проявившиеся к 1930-м гг. черты нового социалистического быта в поморской деревне. <...> Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX–XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись местные говоры и традиции поморской культуры» [4].

В нашем исследовании рассматривается потенциал словаря И. М. Дурова в качестве источника изучения традиционной культуры поморов на материале региональной фразеологии, которая в этом словаре представлена.

Под фразеологизмом понимается «единица языка, состоящая не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова (лексическое значение, формы изменения слова и лексико-грамматические особенности слова)» [6: 6], это устойчивые образные выражения, воспроизводимые в готовом виде: *бить баклуши, зарубить на носу, как без рук, ни рыба ни мясо* и подобные. Все приведенные выше примеры относятся к общерусскому фразеологическому фонду, однако помимо него не меньший интерес для исследователей русского языка представляет его диалектная фразеология, в составе которой находит отражение региональная речевая культура, обусловленная историей, традициями, условиями жизни, особенностями быта, обрядами и верованиями местного населения. Нередко этот срез может оказаться и более архаичным в сопоставлении с литературным языком, поскольку в нем могут сохраняться явления и факты, утраченные в общем употреблении. Возможности и аспекты изучения севернорусской региональной фразеологии, в том числе и поморской, в этом направлении представлены в исследованиях Е. Л. Березович, И. И. Муллонен [2]; О. Е. Морозовой [7], Е. П. Андреевой [1], Н. И. Комковой [5] и некоторых других лингвистов, однако поморская фразеология, зафиксированная в словаре И. М. Дурова, ранее специально не изучалась.

Результаты и обсуждение

В «Словаре живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» фиксируется значительное количество неоднословных выражений, однако не все из них можно отнести к фразеологизмам.

Так, не являются фразеологизмами **топонимы**, например, такие как: *В́арака Неме́цкая* – «один из скалистых безлесных островов, носящих общее название Кузова, между Кемью и Соловками. Повс.» (Дуров¹: 45); *Горе́лы лу́ды* – «лишенные растительности надводные островки на Сумской губе Белого моря. Сум.» (Дуров: 83); *Госуда́рська доро́га* – «под этим названием до сих пор известна в народной памяти проложенная Петром Великим дорога от села Нюхчи с берега Белого моря к Онежскому озеру до Повенца. Нюх.» (Дуров: 86); *Кандала́ской бе́рег* – «часть западного берега Белого моря от с. Кандалакша до с. Варзуга. Повс.» (Дуров: 161) и под.

То же касается **обозначений терминологического характера**: см., например, *борово́й лес* 'рудовой, хорошего качества строевой хвойных пород лес' (Дуров: 36), *головно́й ка́рбас* 'карбас, в котором находится головной рыбак, идет всегда впереди на разведках' (Дуров: 80); *денна́(я) вода* 'уровень воды на море в дневные часы' (Дуров: 97), а также **хрононимов** – названий праздников и событий типа *Ве́рбна неде́ля, Великоде́нной четве́рг, Вели́ко заговенье, Вели́кой пост, Дими́триевська суббо́та, Ири́нья Корешница, Онуфрей Солнцеповорот* и многочисленных отхрононимных образований *михайловская сельдь, веденьёвская сельдь, варвареньская сельдь* – последние чаще всего, как показывают примеры, фиксируются в значении 'рыбный промысел, начало которого соотносится с определенным церковным праздником'.

Несомненно, этот материал также может много рассказать о традиционном мировидении и условиях жизни помора: в нем отражается образ освоенного им пространственного ареала, причем в основном актуального для повседневности – морского: названия островов и островков, мелей, изгибов береговой линии; отчетливо обозначается связь православного календаря не с земледелием, как на остальной территории Русского Севера, а с традиционными морскими промыслами – добычей сельди, кореха, семги. Номинация *варака немецкая*, по всей видимости, должна рассматриваться в ряду других «немецких» топонимов на территории Карелии, возникших в результате освоения карел. *niemi* 'мыс, полуостров' [8: 30–31] и свидетельствующих о межъязыковых контактах поморов и коренного финно-угорского населения (к происхождению лексемы *варака* это относится абсолютно точно [8: 21]). Наконец, история региона находит отражение в названии *Государська доро́га*, которое составитель словаря зафиксировал в Нюхче с комментарием «до сих пор известна в народной памяти».

При широком понимании фразеологии этот материал также привлекается исследователями в качестве источника изучения культурной семантики (см., например, [1]), однако в данной работе мы решили остановить внимание прежде всего на тех устойчивых выражениях, которые фиксируются в словаре и являются по своему значению результатом переосмысления одного или нескольких исходных компонентов, входящих в их состав. Сам собиратель в комментариях к этим речевым оборотам использует такие лексемы, как «обозначение», «выражение», «термин», «прозвище», пользуется описательными конструкциями «так говорится о...», «говорится, когда...»: «**Мама́й воева́л**. Обозначение крайнего и полного беспорядка, хаоса. У их в избе как *Мама́й воевал*: все раскидано, изломано и прибито. Повс.» (Дуров: 216).

Приведенный пример, помимо прочего, указывает на то, что И. М. Дуров не ставил своей целью

разграничение общеупотребительной и собственно поморской фразеологии, в связи с чем в своем словаре он зафиксировал немалое количество общерусских идиом, таких, например, как *бить баклуши*, *брать силком*, *быть в беды*, *ложиться в дреф*, *во весь гóлос*, *в помíну нет*, *крíвить душой*, *кот напла́кал*, *зуб на́ зуб не попада́т*, *кум королю́* и некот. др. Несмотря на отдельные формальные отличия, которые можно заметить (*в беды*, *дрэф*, *попадат*), у всех этих выражений в словаре указываются те же значения, что и в литературном языке.

Однако на общерусском фоне в словаре выделяется объемный пласт фразеологизмов, которые представляют собственно поморскую речевую культуру. См., например, устойчивые выражения со словом *глаз*, неизвестные литературному языку: «*глаза да глазища*, говорится, когда требуется особо бдительный надзор и наблюдение; *глаза дома оставил* говорится о человеке, ничего не видящем перед собою в темноте сразу же при выходе из помещения с ярким светом; *глаза по ложки*, *глаза по луковицы* – взгляд, выражающий беспредельную радость, восторг или, наоборот, страх, видимый ужас» (Дуров: 75); *до выпуча глаз* «до полного изнеможения. *До выпуча глаз мы сегодня тащили на себе из лесу домой волюцюгу дров*» (Дуров: 100).

Предсказуемо, что значительную группу в словаре поморов составляют устойчивые обороты, связанные с морским промыслом. К ним, например, можно отнести такое выражение, как *Егорей в укорци смотрит / Егорей в укорци сел*. Это означает, как комментирует собиратель, что «весна надвигается, а ничто из весеннего инвентаря и экипажей не подготовлено, не приготовились к весенним работам и к промыслам на Белом море» (Дуров: 109). Культурная семантика этого фразеологизма объясняется связью с празднованием дня Святого Георгия (Егория) по православному календарю (23 апреля по ст. ст. / 6 мая по нов. ст.), наступление которого у поморов (и шире – на Русском Севере) считалось началом весны и сопровождалось отправлением на очередной рыбный промысел (см. *егорьевска сельдь* – Дуров: 110). Внутренняя форма этого выражения достаточна прозрачна: сам святой с укором смотрит на нерасторопных промысловиков или хозяев, напоминая им наступлением памятной даты о необходимости приступать к ежегодным сезонным работам.

К поморским образным выражениям, связанным с морем и добычей рыбы, также необходимо отнести такие фразеологизмы, как *берега кисельные* ‘богатые рыбою прибрежные заливы моря, промысловые губы в заливе моря’ (Дуров: 28); *дружитьце к берегу* ‘плывя на паруснике, держаться берега, идти около берега’ (Дуров: 106); *ветренный гость* «говорят о прибывшем с моря, а не с сухого пути, госте. Ветренными гостями называются также ожидаемые семьей помора добытчики-рыбаки, возвращающиеся с морских дальних промыслов – с берегов Мурмана и Новой Земли. Ветренным гостем может быть также и случайно прибывший издали неожиданный родственник или случайный проезжий, остановившийся на квартире в доме» (Дуров: 53).

Упоминание ветра в последнем примере свидетельствует о значимости для сознания поморов погодных факторов и связанных с ними природных явлений, в особенности это касается ветра и воды (моря) – двух основных стихий, наиболее для него близких. См. примеры: *ветер духами / тороками припадат* ‘чрезвычайно сильный ветер на море, дующий неправильно, порывами; шквал поры вами’ (Дуров: 52), *ветер в зубы* ‘встречный ветер’ (там же), *ветер пал на стречу* (там же), *солнце пришло на ветер*, то есть «солнце поравнялось с каким-либо из румбов компаса, определяющих то или иное направление ветра. Вследствие этого получается возможность определить точное время, так как каждый румб согласован с часами дня и ночи. Повс.» (Дуров: 384). Нередко в этих выражениях ветер одушевляется (см. выше *ветер пал*, *ветер припадат*). О порывистом сильном ветре поморы говорят: «**Загудíл батюшко**. *Перен.* О ветре: усилился, прорезая свистом по снастям судна. Повс.» (Дуров: 126). Именование *батюшко* из сферы родственных отношений недвусмысленно указывает на почитание ветра поморами, их уважительное отношение к этой стихии, стремление через выражение почтительности получить ее расположение и помощь.

В ряду фразеологизмов, характеризующих морской промысел в словаре И. М. Дурова, также обращают на себя внимание несколько любопытных выражений со словом *гурей*, «употребляемым для обозначения полного неулова на промысле, в выражениях *гурья спробовал <...> с гурьем выехал*, *гурья справил*, *с гурьем вернулся*», то есть «ловил, потратил время, а ничего не добыл. Ничего не попало. и т. п.» (Дуров: 91). К проблеме культурно-семантической реконструкции этих идиом обращаются известные исследователи Е. Л. Березович и И. И. Муллонен [2]. Они отмечают, что слово *гурей / гурий* употребляется на Русском Севере по сей день, о чем свидетельствуют экспедиционные записи авторов в Онежском районе Архангельской области (2018) и Терском районе Мурманской области (2021). И до сих пор в этих местах это слово используют для обозначения ‘кучи камней, служащей ориентиром в промысловой деятельности (главным образом, рыбной ловле)’. Сходное определение оно получает в

словаре В. И. Даля: арх. *гúрей, гúрий* 'темный маяк или мар, знак, сложенный на берегу из камней, для приметы становища' [4: 408]. Анализируя, каким образом оказались связаны значения «каменный ориентир» и «промысловая неудача» (см. примеры у И. М. Дурова), исследователи предлагают обратить внимание на толкование *гурия* в словаре А. О. Подвысоцкого: «*Гúрей, гúрий, гúрья* – помор. род столба из накладываемых одни на другие диких камней. Промышленники складывают гурьи на морском берегу для обозначения места, где промышляли. В с. Кандалакше, на западном берегу Белого моря, в Кем. у., неудачных ловцов во время сельдяного промысла заставляют в шутку целовать гурей» [9: 36]. В итоге здесь «обнаруживается такая мотивация: раз не поймал ничего, тебе достается единственное, что есть на морском берегу, – “дикие камни”, т. е. гурий» [2: 29].

Важно отметить, что мировосприятие помора-промысловика, проводящего большую часть жизни в общении с морской стихией, закономерно находит отражение и в сферах, далеких от его основных занятий. Так, например, «морские» образы могут стать основой для внешней характеристики человека: «**Как мýха в пáруси**. Говорится в насмешку о человеке, одетом в слишком просторную, не по себе сшитую одежду, не соответствующую вообще фигуре и не модную по покрою; о женщине в очень длинной и широкой юбке или сарафане. Сум.» (Дуров: 159); «**Безно́га гага́ра**. 1. Говорят про хромых. 2. Человек с ампутированною ногою. 3. В насмешливом смысле о человеке, имеющем нетвердую развинченную, ковыляющую походку, слабоногом от природы или вследствие болезненного состояния. Повс. (Дуров: 26)».

В привычных категориях и образах повседневности могут оцениваться поведение и внутренние качества человека: *варгаéвська клу́ша* (род полярной морской чайки) 'обжорливый, любитель плотно покушать, обладающий чрезмерным аппетитом, со здоровым желудком, переваривающий большое количество съеденной грубой пищи' Сум., Вир. (Дуров: 45); *двухвесéльна лодка 'льстец' Двухвесельна лодка – в глаза по тебе, а за глаза – на тебя*. Сум. Повс. (Дуров: 94); *ветренный сполох, ветренный прострел* 'вспыльчивого характера, невоздержанный на слово, крикливый, ругательный человек' Сум., Сор. (Дуров: 53) и др.

Фразеология, представленная в словаре И. М. Дурова, позволяет также судить о материальном благосостоянии жителей Поморья. В этом отношении показателен комментарий, который И. М. Дуров дает к таким выражениям, как *калика / калика перехожа*: «В прежние годы из бывшей Олонии (из Каргопольского и Вытегорского уездов) ежегодно с наступлением зимы на Беломорье наезжали старики, старухи, дети и даже взрослые побираться Христовым именем, нарядившись в лохмотья. Разъезжают эти калики на своих клячах из села в село, собирают в каждом доме милостыню (мукой, хлебом, одеждой, рыбой и деньгами), распевая стихи духовного содержания об Алексее человеке Божьем, Архангеле Гаврииле и другие» (Дуров: 159). Упоминание именно пришлых «калик» позволяет сделать вывод, что такой способ прокормиться поморами не практиковался. О сравнительном благополучии региона также свидетельствует массовость и регулярность совершаемых нищими «паломничеств», а также перечень материальной помощи (не только хлеб, но и одежда, рыба, деньги), которую оказывали здесь нуждающимся.

Заключение

Проанализированный в исследовании материал показывает, что, несмотря на общерусскую основу, в поморских говорах фиксируются устойчивые обороты, в которых запечатлелись реалии и образы, неизвестные литературному языку. В силу специфики хозяйственной деятельности поморов, их жизни, протекающей преимущественно во взаимодействии с морской природой и ландшафтом, поморская фразеология имеет отличительные черты и на севернорусском диалектном фоне, отражающем материальную и духовную культуру крестьянина-земледелца. Изучение поморской фразеологии должно быть продолжено на материале других севернорусских диалектных словарей.

Примечания

1. Сокращения, используемые в тексте статьи: Дуров – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Е. П. Отражение культуры Русского Севера в региональной фразеологии (по страницам словарей) / Е. П. Андреева // Рябининские чтения – 2015 : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 527-529.
2. Березович Е. Л. К семантико-этимологической реконструкции заимствованных «культурных слов»: поморское гурий 'знак-ориентир из камня' / Е. Л. Березович, И. И. Муллонен // Вопросы языкознания. – 2022. – № 6. – С. 21-43.
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург; Москва : Изд-во М. О. Вольфа, 1880-1882 (1989).
4. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.
5. Комкова Н. И. Репрезентация стилистически дифференцированной фразеологии как способа отражения моральных и культурных ценностей поморов в прозе Б. В. Шергина / Н. И. Комкова // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 9. – С.285-288.
6. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 284 с.
7. Морозова О. Е. Поморская речевая культура / О. Е. Морозова // Русская речь. 2014. – № 2. – С. 98-104.
8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья : словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. - Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. – 240 с.
9. Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собрал на месте и сост. Александр Подвысоцкий. - Санкт-Петербург : 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. - 198 с.

REFERENCES

1. Andreeva E. P. Russian North culture in regional phraseology (according to dictionary pages) / E. P. Andreeva. Ryabinin Readings – 2015 : proceedings of the VII Conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North. Petrozavodsk, 2015. P. 527-529.
2. Berezovich E. L. On the semantic and etymological reconstruction of borrowed "cultural words": Pomorskoe gurii 'landmark sign made of stone' / E. L. Berezovich, I. I. Mullonen. Questions of linguistics. 2022. No. 6. P. 21-43.
3. Dahl V. I. Dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes, 2nd ed. / V. I. Dahl. – St. Petersburg; Moscow : M. O. Wolf Publishing House, 1880-1882 (1989).
4. Durov I. M. Dictionary of the living Pomeranian language in its everyday and ethnographic application / I. M. Durov. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. 455 p.
5. Komkova N. I. Representation of stylistically differentiated phraseology as a way of reflecting the moral and cultural values of the Pomors in the prose of B. V. Shergin / N. I. Komkova. Modern pedagogical education. 2023. No. 9. P.285-288.
6. Molotkov A. I. Fundamentals of phraseology of the Russian language / A. I. Molotkov. Leningrad : Nauka, Leningrad Publishing House, 1977, 284 p.
7. Morozova O. E. Pomor speech culture / O. E. Morozova. Russian speech. 2014. No. 2. P. 98-104.
8. Mullonen I. I. Toponymy of Zaonezhye: a dictionary with historical and cultural comments / I. I. Mullonen. Petrozavodsk : Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2008. 240 p.
9. Podvysotsky A. O. Dictionary of the Arkhangelsk regional dialect in its everyday and ethnographic application / Collected on the spot and comp. Alexander Podvysotsky. St. Petersburg : 2nd Edition of the Academy of Sciences, 1885. 198 p.

PHRASEOLOGY AS A REFLECTION OF THE WORLDVIEW AND TRADITIONAL CULTURE OF THE POMORS (an analysis of the dictionary by Ivan Durov)

**DYACHKOVA
IRINA**

*Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian as a
Foreign Language and Applied Linguistics,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, gyla4@yandex.ru*

**TARAZANOVA
LIDIYA**

*student of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
lidiatsrazanova@gmail.com*

Keywords:

regional phraseology
Pomors
linguistic world picture
Ivan Durov

Summary:

The article examines the potential of the Dictionary of the Living Pomor Language in Its Everyday and Ethnographic Application by Ivan Matveevich Durov as a source for studying the traditional culture of the Pomors based on phraseology. The study primarily focuses on stable expressions, including culture-specific items and images determined by the peculiarities of life and traditional culture of the White Sea region population (the Pomors).